

Снежный мальчик

Дарья Андреева

Снежный мальчик

«Автор»

2026

Андреева Д.

Снежный мальчик / Д. Андреева — «Автор», 2026

Любознательная девочка Стася (7), юный химик, пытается заново влюбить маму (35) и папу (40) друг в друга, пока не закончились новогодние каникулы. Сохранить семью Стасе помогает говорящий Снеговичок (6) и Дед Мороз. Но они сталкиваются с тщеславным IT-гением (28), который подбирается к семье, чтобы Дед Мороз и Новогодний праздник навсегда исчезли.

© Андреева Д., 2026

© Автор, 2026

Дарья Андреева, Екатерина Беар

Снежный мальчик

Глава 1

«СНЕЖНЫЙ МАЛЬЧИК»

рассказ

Автор книги:

Екатерина Беар

Дарья Андреева

ГЛАВА 1

Двадцать лет назад... Вроде, и не так давно, но если присмотреться к тому, что успевает природа за это время, выходит вполне приличный срок. Например, из маленького желудя вырастает крепкое молодое деревце, которое и само начинает давать первые желуди. Но успевает ли заметить эти перемены современный человек, который постоянно куда-то спешит, потому что его на это толкает сама жизнь? Ответа на этот вопрос мы не знаем, но точно уверены в одном.

Если бы кто-то спросил жителей города С. двадцать лет назад, что они чувствовали в конце декабря, каждый из них непременно ответил бы: воздух стал другим. Не просто холодным, а каким-то особенно осязаемым и морозно-звонким. Его запах словно лукаво уговаривал: «Даже не думай взростеть!».

Витрины магазинов детских игрушек сияли огнями так ярко, что прохожие на мгновение задерживались и, прижавшись носом к стеклу, разглядывали пузатых плюшевых мишек и миниатюрные железные дороги. Внутри, у прилавков, толпились раскрасневшиеся мамы и папы. Их щеки горели от уличного мороза, а шарфы были намотаны в несколько слоев. Они нетерпеливо переминались с ноги на ногу, поглядывая на часы, а в воздухе над их головами был разлит особенный, единственный в году аромат – терпкий запах еловой хвои, смешанный с плотным запахом мандаринов, который, кажется, можно потрогать.

В одном из детских садов города проходил новогодний утренник. В большом зале с вытертым паркетом было шумно и душно от беготни и волнения. Всё шло по давно заведённому порядку: малыши в картонных коронах читали стихи, девочки-снежинки кружились под фортепиано, но в этот раз внимание всех было приковано к главному гостю. Дед Мороз, приглашённый на этот утренник, совсем не походил на тех бравых, краснощёких старичков с пышными бородами, к которым все привыкли.

Он был странным. По правде сказать, если бы вы увидели его на улице, то приняли бы за обычного пенсионера, который вышел подышать воздухом. Невысокий, сухощавый, с глубокими морщинками вокруг глаз – такими, какие остаются у людей, привыкших много смеяться или, напротив, много размышлять. Его борода не спадала на грудь пышным облаком, а представляла собой аккуратную, ухоженную, серебряную щетинку, которая поблескивала при свете ламп. И одет он был не в новую шубу, подбитую белоснежным мехом, а в длинный темно-бордовый тулуп, который выглядел так, будто его носили уже много-много лет.

Воспитатели перешёптывались за его спиной. Ходили слухи, что Снегурочка, его постоянная спутница, уже давно не появляется с ним на праздниках. «Вышла замуж», – с лёгким

вздохом сообщила одна из нянечек другой. «Представляете, теперь даже некому напоить его горячим какао в гримёрке». Но опечаленным Дед Мороз совсем не выглядел. Ведь у того, кто занят делом, нет времени грустить.

Внимание детишек привлекал его посох. Это была настоящая коряга из тёмного старого дерева, отполированная тысячами заботливых прикосновений до маслянистого блеска. Сверху, в металлической оправе, был закреплён прозрачный шар, сияющий цветами северного сияния. И если подойти совсем близко, как это делали самые смелые дети, то можно было заметить внутри необычное движение – как будто там жила своя, северная метель. Никто не знал, как он работает. Возможно, там были просто блёстки или какая-то инженерная находка, создающая оптическую иллюзию, но почему-то у каждого, кто заглядывал в этот шар, замирало дыхание, будто они заглянули в бездну.

И вот среди общего гама, когда зал сотрясаясь от топота маленьких ног, к Деду Морозу пробился мальчик. Он был в костюме зайчика, сшитом из мягкой, пушистой ткани, которая так и норовила задраться. Уши из картона на ободке падали набок, и мальчик то и дело поправлял их, хмурясь от досады. На вид ему было лет шесть, но двигался он так, будто весь зал принадлежал ему – локти в стороны, подбородок вперёд.

Он подошёл почти вплотную и, задрав голову, уставился на старика снизу вверх.

– Эй деда, – сказал он торопливо, – хочу машинку на радиоуправлении, но только золотую, для коллекции.

Дед Мороз изучающе посмотрел на пухлое лицо мальчика – на уголки его губ, перемазанные шоколадом.

– Да-да, мальчик, – сказал он негромко, кивая. – Следующий.

Голос его был низким, чуть хрипловатым, как скрип половиц в старом доме. Но едва мальчик отвернулся, старик хмыкнул, покачал головой и еле слышно пробормотал себе под нос:

– Ну, это тебе родители подарят...

Следующим в очереди оказался мальчик в костюме гномика. Костюм был явно великоват – рукава свисали ниже пальцев, а красный колпак то и дело сползал на глаза, и мальчик тщетно старался поправить его, дёргая головой. Он робко подошёл к Деду Морозу, и в глазах его была такая мольба, что старик сразу понял – желание будет не про игрушки.

– Дедушка, – сказал мальчик, и голос его чуть дрогнул, – пожалуйста, пусть моя сестра поправится. Она уже так долго болеет, и мама плачет по ночам.

Дед Мороз склонил голову, посмотрел на мальчика долгим, понимающим взглядом, и в голосе его послышалась мягкая сила.

– Исполнится твоё желание, – сказал он просто, но так, что сердце мальчика забилося чаще.

И, улыбнувшись, старик слегка стукнул посохом. Прозрачный шар засветился ярче, и в нём, как в маленьком небе, зажглись сполохи – зелёные, синие, фиолетовые. Они переливались и кружились, а вместе с ними, словно белые бабочки, порхали крошечные снежинки.

А теперь, с вашего позволения, давайте перенесемся в комнату, где лежала больная сестренка гномика. Там, среди тишины, нарушаемой лишь одиноким тиканьем часов, она спала, обняв плюшевого медведя с пришитой лапкой. На тумбочке у кровати стояла целая аптека: пузырьки с микстурами, коробочки с таблетками, баночки с пастилками и градусники. И среди всего этого добра – небольшая открытка, прислонённая к стене, с надписью: «Скорее выздоравливай, мы ждём тебя в школе». И слова эти были написаны таким каллиграфическим почерком, что видно было – друзья старались от всей души.

Долгие дни и ещё более долгие ночи девочка лежала неподвижно. Глаза смотрели устало и далеко, а голос был слабее шёпота сухой травы. Но в тот самый момент, когда Дед Мороз

ударил посохом, девочка вдруг широко открыла глаза. Она моргнула несколько раз, словно пытаясь прогнать сон, и приподнялась на локтях. Голова уже не кружилась, и в теле появилась та удивительная лёгкость, которая бывает только после долгой, изнурительной болезни, когда ты вдруг чувствуешь, что снова можешь дышать полной грудью. Она огляделась и по-детски звонко, как будто не болела совсем, крикнула:

— Мама! Мама, иди скорее!

В дверях почти сразу появилась мать. В руках у неё был тазик с только что постиранным бельём – оно пахло прохладой и чуть сладковатой лавандой, и от этого запаха в комнате вдруг стало свежо и чисто. Увидев дочь сидящей, с румянцем на щеках и ясными, весёлыми глазами, мать замерла на пороге. Тазик дрогнул в её руках, выскользнул, и бельё с мягким шлепком упало на пол, разлетаясь по паркету. Но она даже не взглянула на него – она бросилась к кровати, обняла девочку, прижала её к груди и принялась целовать в лоб и милое личико, не в силах выговорить ни слова, только всхлипывая и смеясь одновременно.

А вечером, когда суета утихла и город за окнами погрузился в синий зимний сумрак, Дед Мороз сидел на лавочке у автобусной остановки. Фонарь над ним тускло светил, бросая жёлтый круг на заснеженный асфальт. Старик вынул из кармана горсть мерцающих снежинок – каждая означала одно исполненное детское желание. Он медленно пересчитал их, словно старый купец свои монеты, и с улыбкой сдул с ладони. Снежинки закружились, блеснули в свете фонаря и улетели тонкой нитью в ночь. Он устало потёр переносицу, поправил воротник бордового тулупа и тихо сказал самому себе:

— Ну что ж, день прошёл не зря.

Дед Мороз сел в последний автобус. Внутри почти пусто – только на заднем сиденье дремлет усталая женщина, прижав к груди сумку с продуктами, да водитель тихо насвистывает какую-то знакомую мелодию, глядя на пустынную, подсвеченную фонарями дорогу. Шины мягко шуршат по укатанному снегу, и этот звук – монотонный, ровный – навевает покой. Город медленно проваливается в сон: редуют окна домов с кремовыми шторами и жёлтым светом, и в каждом таком окошке, наверное, заваривают чай или укладывают детей. Дед Мороз смотрит на эти оставшиеся огоньки и думает о том, как много сегодня было сказано желаний – громко, шепотом, в форме стихотворения. И о том, что каждое из них теперь живёт своей жизнью, как пущенный по воде кораблик. Он добирается домой уже затемно, когда звёзды стоят высоко, и город совсем стих.

Его домик находится на отшибе, у самого края города С., за последним фонарём. Снаружи он кажется совсем обычным, даже скромным – деревянные стены, чуть покосившееся крыльцо, заснеженная берёза у калитки. Но стоит лишь переступить порог – и сразу становится ясно, что здесь живёт тот, кто знает толк в настоящем волшебстве. В воздухе витает особенный запах: сухая смолистая горечь каминных дров, терпкий аромат еловых веток, которые стоят в углу в глиняном кувшине, и чуть сладковатый, пряный след корицы, оставшийся от утреннего пирога.

Вдоль стен – стеллажи со всякими мелочами и книгами. Их корешки, тёмные, потёртые, переливаются золотом тиснения, когда свет от камина падает на них. Рядом стоят пёстрые коробочки, перевязанные льняными лентами, банки с засушенными травами и с десятков старых подсвечников. Дед Мороз ставит на стол несколько из них, зажигая свечи одну за другой, и комнату заполняет дрожащий, живой свет. Он идёт к камину, подбрасывает полешко и долго смотрит, как пламя расправляется и тянется вверх.

Только потом он отправляется на кухню. По пути он равняется с закрытой дверью. Останавливается, кладет ладонь на прохладную ручку и бесшумно приоткрывает её – ровно

настолько, чтобы в щель проскользнула узкая полоска света. Он смотрит туда всего мгновение. Лицо его смягчается, будто он увидел что-то, что всегда греет сердце, но о чём не расскажешь словами. Он так же тихо закрывает дверь и идет дальше ставить самовар – чтобы попить чаю с сушками и душистым липовым мёдом, который привезла ему по осени знакомая пасечница.

А гостиная тем временем ждет его – полная необычных вещей и дорогих сердцу воспоминаний. На старинном комод, поверх кружевной салфетки, лежит медный колокольчик. Рядом с ним разместился маленький олень, вырезанный из дерева. На столе, покрытом вытертой скатертью, лежат игрушки. Их немного, но каждая словно хранит чей-то образ. Плюшевый заяц с аккуратно зашитым ухом, деревянная лошадка с облупившейся на боках краской и самолётик с подклеенным крылом. Все они однажды были потеряны, забыты, случайно заброшены в сугроб. Дед Мороз находит их, приносит домой и чинит – неторопливо, с какой-то трепетной нежностью, не глядя на часы и не отвлекаясь. Ему нравится, как под пальцами распрямляется ткань, как ложится на место отломанное крыло, как возвращается к игрушке её прежний, почти живой вид. И, конечно же, отремонтированные игрушки чудом возвращаются к своим прежним владельцам: как правило оказываясь у двери в детскую комнату.

На стенах гостиной развешаны фотографии в простых деревянных рамках. Одна из них – почти серая, будто выцветшая от времени. На ней Дед Мороз стоит, крепко обняв за плечи маленькую Снегурочку. На девочке – нарядное платье, расшитое серебряными бусинами, и она так смеётся в объектив, что даже сквозь чёрно-белую печать видно, какая она счастливая. Позади них – сани, ели в снегу и замерзшие усадьбы.

На следующей фотографии Дед Мороз стоит перед заснеженным зданием, которое в тот день было похоже на сказочный терем с колоннами. Рядом с ним – она, его Снегурочка, но уже совсем взрослая, в белом атласном платье, с матовым, чуть розоватым жемчугом в волосах, и её рука лежит в руке её мужа – высокого и серьёзного темнокожего мужчины, укутанного в тёплое пальто классического кроя. На его голове сидит меховая ушанка, причем одно ухо опущено, другое торчит вверх, а на губах застыла слегка смущённая, но искренняя улыбка. Дед Мороз обнимает их обоих, широко улыбаясь, но уголки его глаз предательски блестят. Он, как всегда, в своём привычном тулупе и шапке, но его фигура кажется особенно торжественной – будто он отдаёт самое дорогое, что у него было, и знает, что никогда не попросит обратно. Мелкие снежинки вальсируют в воздухе, словно сама зима благословляет этот союз.

Чуть ниже на стене висит ещё одна фотография. На ней Снегурочка с мужем и двумя малышами с ясными глазами и темно-русыми кудрями, выющимися мелкими колечками, строят замок из белоснежного песка. Позади виднеется бескрайний пляж и высокие пальмы, море переливается бирюзой. Дети, полностью измазанные песком, смеются, а муж Снегурочки придерживает песочную башенку, чтобы она не рассыпалась раньше времени. Если перевернуть снимок, на обороте можно увидеть аккуратную надпись: «Ждём в гости!» Буквы выведены ровно, с лёгким наклоном, и в конце стоит маленький восклицательный знак, будто кто-то очень хотел, чтобы приглашение непременно сработало.

Почему-то одна из фоторамок лежит на полу. Стекло треснуло – тонкая паутинка пробежала по нему из одного угла в другой. Дед Мороз, насвистывая что-то под нос, заходит в гостиную с чашкой чая в руках и сушкой за щекой. Он тотчас же поднимает рамку. На снимке, с яркими и еще не успевшими потускнеть красками, Дед Мороз стоит бок о бок со снеговиком с носом-морковкой.

Дед Мороз аккуратно соединяет осколки стекла, стараясь, чтобы шов был почти незаметен. Сначала он вынимает из ящика маленькую кисточку, потом баночку с прозрачным, резко пахнущим клеем. Бережно наносит он каплю за каплей, даёт им растечься, а затем слегка прижимает края друг к другу. Через минуту рамка снова выглядит почти как новая.

Затем он на мгновение замирает, словно что-то вспомнив, и идёт в прихожую. Через минуту возвращается, неся свой волшебный посох, и ставит его рядом с креслом – на привычное место. Шар на посохе тихо мерцает.

Сам же дедушка опускается в кресло. Неспешно, словно задумавшись о чём-то своём. Его взгляд рассеянно блуждает по комнате, но руки уже заняты делом. Перед ним – потерянные и забытые игрушки: плюшевому зайцу нужно сшить штанишки с подтяжками, лошадку – перекрасить, а у деревянного кораблика сломана мачта. Дед Мороз терпеливо чинит их, пришивает, подклеивает, подкручивает – здесь нужно немного ниток, там – диковинный инструмент, а где-то просто уверенное движение рук. Иголка поблёскивает в свете свечей, нитка тянется ровно, без узелков.

Иногда он поднимает голову, смотрит на фотографии, и в его глазах появляется выражение, которое трудно выразить одним словом. Нежность и гордость, тихая грусть и сила веры проскальзывают в них.

Так незаметно пролетает несколько часов. За окном совсем темнеет. Снег ложится на подоконник ровным слоем, и в комнате становится ещё тише.

Дед Мороз зевает – широко, по-стариковски, прикрывая рот ладонью. Затем сонно откидывается в кресле, и голова его медленно склоняется к плечу. Очки сползают набекрень, но он уже не поправляет их. Вскоре по дому разносится его мирное, редкое посапывание.

Ничто не предвещает беды. Но на стене за его спиной вырастает тень. Она не входит в комнату, не скрипит половицами – она возникла из ниоткуда, будто была здесь всегда, просто пряталась в углах, за книгами, в складках тяжёлой портьеры. Тень вытягивается в мерцающем свете камина и свечей. На мгновение она замирает – Дед Мороз во сне чуть шевелится, бормочет что-то неразборчивое, но тут же вновь расслабляется, устроившись поудобнее. В камине продолжают тихо потрескивать поленья, испуская тонкие языки жара.

Тень застыла черным пятном, словно что-то обдумывая, прикидывая дальнейшие свои шаги. Затем ловко – так, как это делают только очень уверенные в себе существа, – взяла со стола металлические щипцы. Те самые, которыми Дед Мороз обычно поправляет поленья в очаге.

Щипцы бесшумно погрузилась в огонь, цепляя раскалённый уголёк. Тень слегка встряхнула его, и тот, разгораясь ещё сильнее, осыпал гостиную крошечными искрами. Подхваченные тёплым воздухом, они разлетелись на пушистый ковёр. Одно мгновение – и в воздухе повис едва ощутимый запах гари. Густеющий, приторный, все более уловимый – первый признак приближающегося несчастья.

Тень у стены зорко оглядела комнату и незаметно сняла посох Деда Мороза с его места. Шар на посохе начал мерцать сильнее и беспорядочнее, будто пытался предупредить дедушку, но тень уже выскользнула в соседнюю комнату, где на массивном дубовом столе покоился раритетный телефон, покрытый тонким слоем пыли. Круглый номеронабиратель, витой провод, тяжёлая трубка – он стоял здесь так долго, что казался уже не просто телефоном, а научно-фантастическим артефактом, сошедшим со страниц романов Жюль Верна.

Тень сняла трубку. Раздался хрипловатый треск старой линии, длинный гудок и короткий набор цифр.

Дым уже начал просачиваться в воздух – тонкими струйками, принимающими дикие и причудливые формы. Но Дед Мороз продолжал спать. Тепло от камина казалось таким же привычным, как всегда. Как будто ничего не случилось. Как будто всё было хорошо.

Вот в какую беду попал дедушка двадцать лет назад.